

Наталия Амбри
Тайны замка Киткан

Серия «Колумбиада»

Наталия Амбри

**Тайны замка Киткан.
Серия «Колумбиада»**

«Издательские решения»

Амбри Н.

Тайны замка Киткан. Серия «Колумбиада» / Н. Амбри —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834086-4

Думала ли Соня Июльская, что простая работа над семейным архивом скромной пенсионерки превратится в самый настоящий детектив? Да с самого начала ей следовало обратить внимание на определенные несоответствия. Скромная пенсионерка оказалась графиней, «домик», в который она пригласила Соню, — огромным замком, а количество человек с двух, обитающих в «домике», возросло до несчастливого числа тринадцать. И пусть все невзгоды посыпались бы только на Сонину голову, но под ударом оказались ее подруги.

ISBN 978-5-44-834086-4

© Амбри Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Тайны замка Киткан
Серия «Колумбиада»
Наталия Амбри

© Наталия Амбри, 2017

ISBN 978-5-4483-4086-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Украина, 1918 год, весна, усадьба крупного сахарозаводчика Федора Александровича Киткана

Буря началась в полночь. Сквозь обрывки черных туч, словно призрак, то исчезала, то появлялась полная луна, с ужасом взирая на землю, которая, казалось, вот-вот расколется от стрел молний, беспорядочно летящих в разные стороны. Вот одна из них осветила центральную часть белоснежного замка Киткан с двумя башнями в готическом стиле, отразившись во множестве окон и окошек. Вторая «оживила» химеру с жабыми лапами и бульдожьей мордой на колоннах беседки возле главного въезда в усадьбу, свет третьей молнии заставил вспыхнуть золотом купол небольшой церкви, расположенной к югу от замка за березовой рощей. Свет четвертой вырвал из темноты огромный камень – «Камень страсти», стоящий посередине парка. Именно на нем, как донесли Федору Александровичу верные слуги, предавалась любви с другим его жена, будучи на курорте. По приказу промышленника глыба была доставлена к замку и установлена в парке, как вечный укор жене в ее измене.

* * *

Разбуженная страшным грохотом, суетливо крестилась в своей комнате Полина – няня пятилетней Наташеньки, дочери сахарного магната Федора Александровича Киткана. На какое-то мгновение служанка застыла и прислушалась, затем, накинув на пышные плечи огромный пуховый платок и взяв свечу, поторопилась в соседнюю комнату к Наташеньке: как бы та не испугалась грозы. Анна Михайловна Киткан, мать девочки и госпожа Полины, скорее всего, выпила снотворное и вряд ли прибежит на крик ребенка. Полина вышла в холодный коридор и поежилась: с первого этажа тянуло сыростью. Наверное, Матрена опять забыла закрыть окно в передней. Ничего, утром она ей задаст, а сейчас придется спуститься и закрыть окно самой. Осторожно ступая босыми ногами по ступенькам, Полина остро чувствовала, как холод мраморной лестницы пронзает ее тело. Спустившись, наконец, в переднюю, она вздрогнула, когда очередная вспышка молнии осветила комнату, выхватив из мрака смеющееся лицо мраморного шута, бюст которого стоял на тумбе справа от большой лестницы. В свете молнии его улыбка выглядела зловещей и наводила ужас, еще более возраставший, когда от сильнейших раскатов грома сотрясались подвески на хрустальной люстре, а легкие белоснежные шторы парили в воздухе над распахнутым окном, словно привидения. Преодолев страх, Полина подошла к тумбе и поставила на свободное место подсвечник с погасшей свечой. Затем она направилась к окну. Едва Полина его захлопнула, как за стеклом неожиданно возник черный силуэт человека, освещенный вспышкой молнии. Служанка попятилась назад: мало ли бандитов бродит вокруг в это смутное время.

– Полина, открой! Это я, Сидор, – послышался приглушенный голос.

– Что надо? – строго, не церемонясь с бывшим конюхом, спросила Полина, устремив на него взгляд больших карих глаз.

Она знала, что Сидор, поссорившись с управляющим, покинул усадьбу вместе с семьей, угрожая убить господ. В городе он примкнул к большевикам.

– Да открой же! – не унимался Сидор.

Полина медленно отворила окно и посмотрела на мужчину. Он очень изменился, похудел. Из-под козырька кожаной фуражки с красной звездой с обожанием смотрели на нее уставшие глаза.

– Ну?! – бросила Полина.

– Что-то не особенно приветливо ты меня встречаешь.

– Слышала, ты главный у красноармейцев?

Сидор поправил кобуру на кожаной куртке и посмотрел в глаза Полине.

– Да, главный. Вот за тобой пришел, не могу я без тебя.

– Почему ночью?

– Утром здесь будут красноармейцы.

– Твои?

– Можно сказать, и мои.

– А если не пойду?

– Тогда тебя вместе с барынями расстреляют.

– За что?

– За то, что ты заодно с кровопийцами. Да ты не бойся, я тебя спасу... люблю я тебя.

– Как же твоя семья? Дети?

– Одно твое слово, и я брошу их. Пропать, конечно, не дам.

– Нет, Сидор, никуда я с тобой не пойду, – решительно заявила Полина, стараясь не смотреть в глаза своего воздыхателя, и принялась закрывать окно.

Сидор схватил ее за руку.

– Подожди. Я тебя королевой сделаю. Любить буду до гробовой доски. У меня паек и комната в барском доме. Соглашайся.

– Побойся бога, детей своих пожалей, да и не люблю я тебя вовсе. Нет на земле моего любимого, я это точно знаю. Так что я остаюсь.

– Но это опасно. Хорошо, я увезу тебя и твою барыню с ребенком, куда скажешь. Постараюсь обогнать отряд. Собирайся. Рано утром заеду за вами.

– Договорились, – неуверенно проговорила Полина и закрыла окно.

Сделав несколько шагов от здания, Сидор мгновенно растворился в непроглядной тьме.

Какое-то время женщина задумчиво смотрела ему вслед, затем, будто очнувшись, резко повернулась и пошла к лестнице. Но до нее она так и не дошла, потому что стучали в дверь.

«Неужели красноармейцы? – сразу пронеслось в голове Полины. – Нет, не может быть, Сидор сказал, что они будут только утром».

Она стояла, не решаясь сделать шаг. И только услышав знакомый голос, бросилась открывать дверь.

– Господи, прости! Отец Игнатий! – пролепетала служанка, отворяя дверь. – Что случилось?

Изможденное морщинами лицо отца Игнатия было напряжено, глубоко посаженные глаза смотрели с тревогой.

– Пришел сообщить. В городе красноармейцы расстреляли Федора Александровича и Петю, – сказав это, батюшка перекрестился.

– Мальчику всего десять лет, за что?! – всхлипнула Полина.

– Федор Александрович, его жена и дети – враги для новой власти. Так вот, Полина, что я хотел тебе сказать, утром красноармейцы будут здесь. Они не пощадят никого. Поэтому Анне Михайловне и Наташеньке лучше уехать.

– Сидор Чудилов то же самое говорил.

– Кто?! Сидор?! Да он и расстрелял Федора Александровича и Петю. Яшка-звонарь собственными глазами видел. Думаю, Сидор не пощадит барыню и девочку. Бежать вам

надо. Сделаем так. Вы собирайтесь, а я раздобуду коня и подводу, жду вас возле церкви. Еще затемно вы должны добраться до монастыря. Там на время затаитесь, а дальше будет видно. Да, и чтобы ни одна душа не знала, что вы покинули замок. Уйдете...

– Известно как, батюшка, – перебила отца Игнатия Полина, – через...

– Тише... – отец Игнатий приложил палец к губам и оглянулся.

– Батюшка, как же вы? Ведь не пощадят антихристы.

– Святыни схороню и сам в монастырь подамся.

Дрожащими руками Полина закрыла дверь. Она медленно поднималась по лестнице, не ощущая холода. Из головы не выходил разговор с батюшкой. Это же какой ужас, Федора Александровича и Петра Федоровича, Петеньки, нет в живых, что за время! Ее сон о пожаре в господском доме оказался пророческим. Она до сих пор содрогается, вспоминая его...

Глубокая ночь. Полину разбудило удушье. Она закашлялась и зажгла свечу. Через дверные щели сочился дым.

– Наташенька! – в ужасе воскликнула Полина и выскочила из комнаты.

Она схватила с кровати спящую девочку и бросилась в комнату Анны Михайловны. Та уже проснулась и суетливо пыталась надеть пеньюар.

– Берите одеяло! Укутайте девочку и быстро вниз! Вниз! – Полина почти вытолкала из комнаты госпожу. – А я разбужу Федора Александровича и Петю.

Но пробраться к господским спальням служанке не удалось. Обвалилась горящая балка, занялись gobelены. Полина сбежала вниз. Под окнами кабинета Федора Александровича собрались слуги, которые с ужасом наблюдали за пламенем, вырывающимся из окон. Анна Михайловна рыдала, глядя вверх и закрывая трясущейся рукой глаза ребенка, которого держала на руках.

В окне второго этажа стояли Федор Александрович и Петя. Языки пламени уже касались их спин.

– Чего зенки вылупили?! – крикнула на оцепеневших слуг Полина. – Сено, тащите под окно, сено! Они прыгать будут.

Растерявшиеся слуги бросились в сарай. Но, как в любом сне, они куда-то исчезли и больше не появлялись, а Федор Александрович и Петя, взявшись за руки, прыгнули вниз. Полина и Анна Михайловна бросились к ним, но земля вдруг расступилась, и в образовавшейся огромной бездне исчезли не только Александр Федорович и Петенька, но и горящий замок...

Немного постояв у двери хозяйки, служанка постучала. Тихо. Она постучала сильнее. Ни звука. Крепкое же снотворное выпила госпожа. Сейчас во сне, наверное, порхает где-нибудь на балу или примеряет французскую шляпку от мадам Жюли, крутятся перед зеркалом. Полина повернула ручку и вошла в комнату. Видно, сон был и впрямь хорош, потому что на устах госпожи застыла обворожительная улыбка.

– Анна Михайловна! Анна Михайловна! – теребила за плечо свою хозяйку Полина. – Проснитесь! Ну же!

– Что... что случилось, душенька? – не открывая глаз и все еще пребывая в объятиях Морфея, спросила Анна Михайловна.

– Проснитесь, проснитесь!

– Да что произошло?! – уже возмутилась госпожа, открыв, наконец, глаза.

– В городе, это, большевики всех арестовывают и стреляют. Утром будут здесь. Мы должны бежать.

Полина не стала говорить о гибели Федора Александровича и Петеньки, побоялась истерики, ведь сейчас, когда надо действовать быстро, это ни к чему.

– Но куда, к кому? Все мои кузины во Франции, – растерялась Анна Михайловна. – Тетки в Турции. Надо ждать Федора Александровича.

– Мы с ним встретимся, – соврала Полина. – Мы обязательно встретимся с ним и Петенькой. А сейчас надо собираться. Платье наденьте неяркое. Платок я вам дам. Деньги возьмите, кое-какие украшения, первое время надо как-то жить.

– А драгоценности, фамильные, тоже с собой брать?

– Да нет, опасно... – призадумалась Полина и, не сказав ни слова, выбежала из комнаты.

Пока Анна Михайловна выбирала себе платье, возвратилась Полина. В руках она держала старый мешок.

– Несите свои драгоценности, быстро.

Анна Михайловна, забыв надеть пеньюар, в ночной сорочке побежала в кабинет мужа. Вскоре она вернулась с резной шкатулкой и тут же передала ее служанке. Полина поставила ларец на стол и приоткрыла крышку. Пламя свечи да вспышки молнии оживили неземную красоту бриллиантов, рубинов, сапфиров и алмазов в фамильных драгоценностях рода Китканов. Полина какое-то мгновение завороченно смотрела на сокровище, переливающееся, как ей показалось, зловещими огоньками, но, подстегнутая тревожными мыслями, быстро очнулась. Она перекрестилась и дрожащей рукой положила поверх украшений перстень с гербом, который перед этим отдала ей хозяйка.

– Ну, кажись, все, закрывайте, – произнесла Полина, провожая взглядом маленький ключик в руках госпожи. – Будите Наташу и одевайте, а я сейчас.

Служанка осторожно взяла в руки шкатулку и, подойдя к окну, долго всматривалась в темноту. Наконец, она решительно направилась к двери. И в этот момент что-то сверкнуло. Она подняла глаза. На груди Анны Михайловны блестело сердечко с выгравированным на нем вензелем «А.М.».

– А медальон?! Снимите его.

– Но я не могу, там же портрет Феди и... ключик от шкатулки.

– Да не волнуйтесь, спрячу я эту вещь в надежное место.

Анна Михайловна бережно сняла медальон, подняла крышку сердечка, вынула маленький ключик и поцеловала миниатюрный портрет мужа.

– Возьми, – тихо проговорила она и, закрыв крышку медальона, всхлипнула.

Полина быстро схватила украшение и, пока хозяйка не передумала, уже на ходу сунула его в карман вязаной кофты. За дверью она запрятала шкатулку в мешок и вышла из дома.

По скользкой, размытой дождем тропинке, сопротивляясь сильным порывам ветра, служанка направилась в парк.

Непогода разыгралась. Лил дождь. Ветер срывал листву и гнул верхушки деревьев. Молнии голубоватым светом освещали все вокруг, гром сотрясал землю. Полина шла, не оглядываясь, уверенная, что в такую погоду вряд ли кому-то придет в голову ее выследить. Но служанка ошиблась. Вспышки молнии то и дело вырывали из крошечной темноты черный силуэт человека, который, передвигаясь от дерева к дереву, настойчиво следовал за Полиной.

Наконец, служанка возвратилась в замок. Человек в черном поднялся в беседку, которая находилась напротив парадного крыльца, и затаился, намереваясь, видимо, дожидаться выхода хозяйки замка с дочерью. Время шло. Буря постепенно стихала. Одна за другой покидали предрассветное небо тучи. Только изредка еще сверкали зарницы. Где-то закричал петух. Незнакомец заволновался, ведь из дворца до сих пор никто не вышел, а ведь собирались: он подслушал разговор. Он подошел к входной двери и со всего маху стукнул по ней ногой. Дверь не поддавалась. Человек прислушался. И вдруг сумасшедший хохот, внезапно раздавшийся в доме, заставил его отскочить от двери. Но, даже находясь на расстоянии нескольких шагов от нее, незнакомец отчетливо слышал то металлические, то визгливые, то сверлящие голову звуки. Он был не из робкого десятка. Подождав, когда воцарится тишина, он разогнал ее и навалился на дверь всем телом. Та отворилась. Человек вбежал

в переднюю, налетев на тумбу с бюстом смеющегося шута. Зарница, вспыхнувшая в это мгновение, блекло осветила помещение. Дрожь пробежала по телу незнакомца. Ему показалось, что шут оскалился, глядя на него в упор. Мужчина, справившись с наваждением, уверенным шагом направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Это говорило о том, что ранее он уже бывал в замке. Открывая, одну за другой, двери спален, он обнаружил, что они пусты: и хозяйка с дочерью, и служанка просто исчезли. Тогда человек бросился в кухню, зная, что кухарка поднимается ни свет ни заря, но и там никого не нашел. Дом был пуст. Спустившись вниз с искаженным от злобы лицом, явно стараясь побороть в себе переполнявшую его ярость, незнакомец медленно побрел к выходу. Его тяжелый взгляд скользнул по узору фарфоровой напольной вазы, стоящей возле двери. Глаза райской птицы надменно взирали на него, выпроваживая вон.

– Ненавижу! – заорал человек, и, подняв ухоженными сильными руками вазу, со всей силы швырнул ее в окно.

Глава 2

2007 год

– Девчонки! Я еду с вами! – радостно сообщила в мобильный телефон моя подруга Жанка да так громко, что у меня заболело ухо.

– Зачем так орать? – крикнула я в ответ и в испуге оглянулась на дверь: не дай бог, я разбудила маму. – Шесть часов утра, ненормальная! – откровенно злилась я на свою подругу.

– Сонька, прости! Целую! Перезвоню! Ура!

«Дурочка, – подумала я, – чему радоваться? Променяла Испанию на какую-то Тмута-ракань».

Дело в том, что Жанна – мажор. В Испании у нее вилла на берегу Средиземного моря и белоснежная яхта. Она как-то показывала фотографии. На одной из них Жанна стоит под гранатовым деревом. На заднем плане виднеется белоснежная балюстрада, окружающая плато, которое, будто парит, над бирюзовым морем. Такую красоту я видела только в кино. Ведь на мою зарплату учителя начальных классов по заграницам особо не разъездишься. Предел моих мечтаний – дней десять провести в Одессе, которую я обожаю и ни на минуту не забываю. Каждое утро, едва открыв глаза, я протягиваю руку и беру с тумбы огромный сухой лист платана, который еще хранит необыкновенный кисло-горький запах. Напротив моей кровати висят картины с морскими пейзажами. Но больше всего греет душу мое последнее приобретение – маленькая, полная солнца и свежести утра, картина с изображением узкой приморской улочки с одноэтажными и двухэтажными домами, спускающейся к синему морю, маленьким блюдцем виднеющемуся вдали. Солнечный свет мягко ложится на разноцветные черепичные крыши домов и цветы на балконах.

После звонка подруги сон, как рукой сняло, и я решила сделать доброе дело: полить хилые росточки маттиолы, которую пытаюсь вырастить на балконе, вот уже который год. Однако в лейке воды не оказалось, и я побрела на кухню. Я шла по коридору на цыпочках, стараясь не разбудить маму, как вдруг, совсем неожиданно, услышала ее приглушенный голос:

– Да, Июльская... Что? Я не понимаю, о чем идет речь. Что отдать? Шкатулку?! Какую? Вы шутите? Да я сейчас же позвоню в милицию... Дочь? Не смейте!

Я ворвалась в комнату и увидела испуганное лицо мамы, сжимавшей в руке телефонную трубку.

– Что случилось? – крикнула я с порога.

– А что может случиться? – кривясь в улыбке и стараясь не смотреть на меня, проговорила мама. – Ребятня балуется.

– Но это уже не первый раз. Надо пойти на телефонную станцию и вычислить этих хулиганов. А еще лучше заявить в милицию.

– Доченька, не принимай все близко к сердцу. Пустяки. Ну, иди, я еще немного подремлю.

Я взяла бутылку отстоянной воды и понесла на балкон. Перелив воду в лейку, я осторожно полила едва дышащие стебельки маттиолы, а затем петунью и небольшой куст помидора. Полив свою клумбу-огород, я подняла легкую занавеску и выглянула на улицу. Прохладный весенний ветерок приятно коснулся моего лица. Затрепетали светло-зеленые листья березы, растущей под окном. Я протянула руку и дотронулась до одного из них, почувствовав его шероховатую поверхность.

«Скоро лето», – мысленно пропела я, не в состоянии сдержать улыбку и отличное настроение.

Его не смогла испортить даже мысль о Тмутаракани, то есть каком-то селе Озеряшкино, куда мне предстояло поехать во время своего летнего отпуска. Неужели в этом году мне не светит увидеть море? Ничего, ведь за месяц работы мне обещали заплатить сумму, равную трем моим месячным зарплатам. Как я могла отказаться от такого предложения?! Правда, работа с семейным архивом совершенно мне не знакома. Упорядочить его попросила случайная знакомая, которая буквально вытащила моего пса Топика из пасти огромной дворняги. Эта женщина была среднего возраста, наверное, пенсионерка, в невзрачной косынке, без каких-либо следов макияжа на бледном, осунувшемся лице. Ее предложение мне показалось довольно неожиданным и странным. Тем не менее, я представила себя, сидящей где-то на чердаке деревенского домика и перебирающей пожелтевшие листы из школьных тетрадок его хозяйки. В перерывах меня будут потчевать молоком со свежим хлебом, а по вечерам мы с хозяйкой будем гонять чай с вареньем. Честно говоря, я поначалу отказалась, грешным делом подумав, что у женщины не все дома. Сколько той пенсии, чтобы платить такие деньжищи. Однако незнакомка вовсе не шутила. Она дала свой телефон, умоляя подумать над ее просьбой. Более того, мне было предложено взять с собой подруг, мол, работы там хватит всем.

«Ну, да, если считать, что спать можно и на траве в саду, и в сарае», – хмыкнула я, судя о размерах домика женщины по ее тщедушной фигурке и скромной одежде.

Короче, я предложила случайной знакомой кандидатуру моей подруги Виты Караваевой, которая работает в городском архиве.

Однако пенсионерка отказалась, объяснив, что прониклась доверием именно ко мне, что мое лицо имеет удивительное сходство с портретом одной дамы, а это очень важно. Почему важно, она объяснит в том случае, если я соглашусь. И еще раз повторила, что я могу взять своих подруг с собой. Желательно только, чтобы я, если решу приехать, позвонила заранее и сообщила время приезда, а также сняла мерки со своих подруг для пошива платьев. Я спросила, не нужны ли ей мои мерки, она ответила «нет», потому что уверена – моя фигура идеально подойдет под уже имеющиеся у нее платья. Я, конечно, удивилась, но вопросов задавать не стала.

Как ни странно, когда я, смеясь, рассказала подругам о приглашении поработать и отдохнуть в деревне Озеряшкино, они обрадовались и... согласились. Конечно, мы долго обсуждали странное предложение, подозревали всех и вся в злых умыслах, затем также бойко опровергали собственные подозрения. И не удивительно, сколько существует всевозможных уловок заманить молодых девушек, например, в сексуальное рабство. Наконец, взвесив все «за» и «против», мы решили принять предложение.

Вита Караваева договорилась с коллегой поменяться отпусками. Той нужен был сентябрь, потому что дочь выходила замуж, а Витке – июль, чтобы поехать со мной. Лилька Котик собиралась разводиться с мужем, но пообещала, как только разорвет узы брака, сразу же приедет к нам, приедет совершенно свободной женщиной. И вот сегодня сказала «да» самая младшая из моих подруг – Жанка, хотя от нее этого вовсе и не требовалось.

Жанне Иволгиной двадцать два года. В следующем году она окончит университет, будущий переводчик, хотя работать по специальности она никогда не будет. Ей отец подарил ресторан, и бедной девчонке приходится «въезжать» в это дело, хочет она того или нет. А вообще она мечтала поступить на биологический факультет. Любит она всяких бабочек, кроликов, собак. Когда подруга бывает у меня, Топик души в ней не чает. Скоро растолстеет от деликатесов, которые Жанна таскает из своего ресторана. Иной раз мне кажется – возможно, я ошибаюсь, – что подруге не хочется идти домой. Она то возьмется мыть посуду, что делать совершенно не умеет, то схватит тряпку и начнет елозить полы, от этой затеи и вовсе обхохочешься. Глядя на все это, я предлагаю ей остаться ночевать. Она с радостью хватается навороченный мобильник и начинает звонить своему строгому отцу. А я в это время стою

и смотрю на нее. Мне не понятно, что делает в моей более чем скромной квартире эта ультрасовременная голубоглазая красавица с нарощенными белоснежными волосами до пояса? У нее есть все, чего может пожелать душа: и апартаменты в центре города, и машина, и счет в банке, и собственный бизнес, и...

Не хочу, конечно, приbedняться. У меня есть мама, мои верные подруги, любимый пес Топик, шкаф полный книг, круглый старинный стол в большой комнате, огромное кресло, доставшееся от бабушки, за которое нам предлагал баснословную сумму Жанкин отец, захвативший как-то за дочерью.

А познакомились мы с Жанной совершенно случайно в прошлом году. Однажды я допоздна задержалась в школе. После родительского собрания родители уходить не торопились, каждому хотелось как можно больше узнать о собственном ребенке. И вот я, наконец, погасила свет и закрыла кабинет. На улице было сыро, моросил дождь, ветер срывал с деревьев пожелтевшую листву. На автобусной остановке не было ни души. Я простояла минут двадцать, но автобуса так и не дождалась. Почувствовав, что начинаю замерзать, я решила идти пешком вдоль шоссе, надеясь в скором времени остановить такси. Сделав несколько шагов в нужном направлении, я услышала чьи-то всхлипывания со стороны небольшого сквера. Подумав, что кому-то нужна помощь, я пошла на звуки. За огромным кустарником на лавочке я увидела девушку. Ее белоснежная курточка и джинсы были в грязи. Незнакомка то грозилась кому-то кулаком, то плакала, пытаясь подняться. По характерным движениям и невнятной речи я поняла: девчонка совершенно пьяна.

– Девушка, я могу вам чем-нибудь помочь, может, «скорую» вызвать? – спросила я, предположив, что с незнакомкой случилось самое худшее.

– Пошла отсюда! Пошла! Я не нуждаюсь ни в чьей помощи! – заорала девушка, поднялась и, не удержавшись на ногах, упала возле лавочки прямо в лужу.

После этих, очень далеких от любезности слов, я хотела развернуться и уйти, но, подумав, что меня замучит совесть, осталась и решила действовать, как подсказывал мне внутренний голос.

– Встать! – крикнула я, не на шутку рассердившись. – Встать! – повторила я чуть погодя, поразившись непонятно откуда взявшимся низким нотам в своем голосе.

Девушка, ничуть не испугалась, но удивилась, а затем, сопя и ругаясь, стала на четвереньки, с третьей попытки оперлась руками о лавочку и, наконец, с трудом поднялась.

– Держись! – приказала я, не меняя тона, и подставила девчонке свой локоть.

– Я... я... тебе... вам... запачкаю плащ, – пробубнила девчонка.

– Черт с ним, – бросила я.

Мы добрались до шоссе. С большим трудом я остановила такси и за двойную плату, потому что моя попутчица была грязная, как бомж, уговорила таксиста нас подвезти. Пока мы ехали, я терпеливо выслушивала излияния пьяной девушки о своем бойфренде, который изменил ей с другой.

Девчонку я помыла, одела в свой махровый халат и уложила на диване в большой комнате. Напоила ее липовым отваром с медом и, погасив ночник, вышла из комнаты. Я почистила ее куртку и джинсы, помыла кроссовки.

Утром я попыталась красавицу разбудить, но мне это не удалось. Оставив на столе завтрак и записку с просьбой захлопнуть входную дверь, когда будет уходить, я помчалась на работу. Честно говоря, я не надеялась когда-нибудь встретить вчерашнюю попутчицу. Однако, придя вечером с работы, я искренне удивилась, увидев ее разговаривающей с моей мамой в большой комнате. Дело в том, что мама тогда лежала в больнице и раз в неделю приходила домой.

– Доченька! – обрадовалась мама, – а мы вот с Жанночкой тебя заждались.

Я бросила взгляд на стол, который ломился от всевозможных яств.

- У нас праздник? По какому поводу? – спросила я, снимая плащ.
- Это Жанна, – улыбнулась мама. – У тебя все коллеги такие приятные?
- Кто?! – я бросила вопросительный взгляд на Жанну.
- Та подмигивала мне то левым, то правым глазом.
- Да, все, как один, – добавила я.

Мы чудесно провели время. Жанна оказалась очень веселой и общительной. Когда она ушла, мама внимательно посмотрела на меня и, глядя куда-то в пространство, проговорила:

- Нет, она с тобой не работает, у нее ужасная речь.
- Мама, ты совершенно права. Я ее подобрала на улице в ужасном состоянии...

Закончить свою мысль я не успела. В дверь позвонили, и я поспешила ее открыть, даже не удосужившись посмотреть в «глазок».

Передо мной стоял высокий улыбчивый парень в черном костюме, белой сорочке с галстуком и с огромной корзиной лилий и роз.

- Вы ошиблись дверью, – скороговоркой проговорила я, не дав парню открыть рот.
- Нет, не думаю, – не согласился со мной незнакомец и, достав из кармана лист бумаги, прочитал:

«Софья Июльская, улица Красная 5а, кв. 325».

- Это я, – пришлось мне признаться.
- Тогда позвольте занести корзину.
- Прошу. А могу я поинтересоваться, от кого цветы?
- От Алексея Павловича Иволгина, – был ответ.
- Кто это?
- Как вы не знаете Иволгина? – искренне удивился парень.
- Нет, – покачала я головой.
- Известный в городе бизнесмен.

– А-а-а, – протянула я, чтобы хоть как-то отреагировать и не разочаровать парня своим ответом, потому что эта фамилия мне, учительнице младших классов, ни о чем не говорила.

Молодой человек извинился и, достав мобильный телефон, набрал номер:

– Все чисто, – отрапортовал он в трубку, а затем предупредил меня, – Алексей Павлович сейчас поднимется.

«Охранник», – отметила я про себя, кивая головой парню и ругая себя за то, что так и не задала ему основной вопрос: «Почему, собственно, эта столь известная личность оказывает мне такую честь?»

На лестничной клетке было прохладно, я поежилась.

- Вы можете зайти в квартиру, мы позвоним, – сжалился надо мной охранник.

Захлопнув дверь, я выглянула в «глазок». Парень курил, спустившись на несколько ступенек ниже. Он ждал своего босса.

«Настоящий охранник, – подумала я, всматриваясь в его профиль. – Вроде не голово-рез».

– Сонечка, доченька, что здесь происходит?! Неужели, пока я лежала в больнице, ты успела познакомиться с олигархом? – всплеснула руками мама, залюбовавшись цветами.

- Нет, мама, я думаю, мне это не грозит.
- А жаль. Ты у меня такая умная...
- Вот как раз это качество в женщинах олигархии ценят меньше всего.
- Но ты же у меня еще и красивая.
- Рост у меня неподходящий, всего метр шестьдесят семь.
- Прекрасный рост для нормальной женщины.
- Тогда им нужны ненормальные, – улыбнулась я.
- Все шутишь, а тебе уже двадцать шесть. Пора и о семье подумать.

– Ты моя семья.

– Брось. Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду...

Звонок в дверь, к моему счастью, перебил пламенную мамину речь о внуках, муже, о том, что каждая женщина должна иметь семью, что карьера это маска для женщин, терпящих фиаско в других областях жизни.

На пороге стоял лысый мужчина среднего роста и среднего возраста, плотной наружности, характерной для бизнесменов, одетый, в отличие от своего охранника, достаточно демократично: в джинсах и легкой ветровке. На его ухоженном лице появилась улыбка, как только я назвала свое имя.

– Простите, так сказать, за вторжение, но Жанна мне все рассказала...

Я с облегчением вздохнула, слава богу, это Жанкин отец.

– ...Как вы к ней отнеслись! Как вы ей помогли! Я, честно говоря, был удивлен, что вы так доверились первому встречному человеку...

– Вы о чем? – не поняла я.

– Ну, как же, вы оставили дочь у себя дома, не зная кто она, что она... А вдруг она оказалась бы какой-нибудь воровкой?

– Господи! – улыбнулась я. – Да у нас и воровать нечего. И вообще, когда я помогала, я об этом как-то не думала...

– Может, чаю? – вовремя подроспела мама, когда в разговоре наступила пауза.

– Кстати, познакомьтесь, – сообразила я, – это моя мама, Лариса Сергеевна.

– Очень приятно, – обрадовался Алексей Павлович и протянул маме два кулька с продуктами. – А здесь как раз все к чаю.

– Ну, что вы. Зачем? – стала отказываться мама.

– Куда нести? – мягко, но настойчиво перебил ее Алексей Павлович.

– За мной, – не растерялась я и провела гостя в квартиру.

Наше чаепитие растянулось где-то часа на два. Все это время мы с мамой в основном слушали нашего гостя, который на днях вернулся из Европы и угощал нас итальянским вином, австрийским сыром и швейцарским шоколадом. Бокалы, наполненные черничной наливкой из Словении, мы подняли за здоровье. А когда Иволгин узнал, что мама должна возвращаться в больницу, где лежала в палате на пять человек, то сразу же предложил оплатить ее лечение в элитном кардиологическом центре с последующей реабилитацией в санатории в номере «люкс». Мы, конечно, стали дружно отказываться, но Алексей Павлович достал телефон и при нас обо всем договорился, пообещав, что завтра утром сам отвезет маму на новое место лечения. А вещи и карточку с прежней больницы доставит его охранник.

– Прямо, как в сказке, – произнесла мама, глядя в окно на отъезжающую машину неожиданного гостя. – Оказывается, и в наше время за добро платят добром.

– Бывает, – поддержала я разговор, провожая взглядом черный огромный, как комната, внедорожник Алексея Павловича, все еще не зная, как мне отнестись к этому визиту.

Наконец, мы «отлипли» от окна.

– Пойду, лягу сегодня пораньше. Перед сном хочу посоветоваться с бабушкой насчет лечения в кардиологическом центре. Доброй ночи, детка.

Мама поцеловала меня в лоб и ушла в спальню.

Надо сказать, что моя прабабушка Наташа умерла два года назад. Эта женщина была необыкновенной, она была мистиком, проводником потусторонних сил в этот мир. Для моей мамы прабабушка была первой советчицей еще при жизни, поскольку мамнины родители погибли в автокатастрофе. Сейчас, когда мы с мамой остались одни, прабабушка нас не покидала. Она являлась во снах, чтобы предупредить об опасности или уберечь от опрометчивого

шага. Точно так в свое время поступала и ее няня-мама Полина, заботясь о своем херувимчике даже после смерти.

Глава 3

Учебный год на исходе. В распахнутые настежь окна светит яркое весеннее солнце. Классная комната наполнена ароматом молодых тополиных листьев. По синему небу носятся стайки ласточек. Зеленая лужайка перед зданием школы пестреет одуванчиками. Детвору в такие дни трудно удержать в помещении, поэтому я договорилась с завучем о проведении урока рисования на природе. Мы нашли укромное местечко за спортивной площадкой под березами недалеко от шоссе. Ученики расположилась кружком вокруг меня, а я открыла классный журнал, чтобы написать список. Наверное, моим ребятам было так же хорошо, как и мне, потому что даже самые подвижные из них присмирели. Я чувствовала на щеках дуновение ветерка и думала, какая же я счастливая. Мне припомнились слова мамы, о том, что в минуты счастья за спиной человека находится его Ангел Хранитель, которого, если повезет, можно увидеть. И я – обернулась. Я тряхнула головой, чтобы убрать наваждение, но тщетно, ангел стоял в образе мужчины лет тридцати в белоснежном костюме. Прядь волнистых черных волос спадала на лоб, черные бархатные глаза приветливо и открыто смотрели на меня, а большой чувственный рот что-то говорил.

«Я не вижу крыльев», – успела подумать я, когда до моего слуха донеслись слова:

– Простите, я, кажется, сбился с дороги. Если вы не спасете меня, я пропал.

Сначала я даже не поняла, как это ангел и сбился с дороги?! Кто-кто, а я уж точно не ориентируюсь на небе.

– Софья Романовна, Софья Романовна! – теребила меня за плечо Валя Замрикот. – Дядя спрашивает, как добраться до ближайшей автозаправочной станции.

– Прямо и направо, – объяснил за меня Витя Липатов.

– И нет, – встрял в разговор Лева Сорокин. – Не направо, а налево.

– Нет, нет и нет, – звонко перебила всех Зоя Звонова, – надо ехать прямо, прямо и прямо.

– Простите, – наконец очнулась я, – поезжайте прямо, затем налево и до первого поворота.

– Благодарю, – произнес «ангел» и улыбнулся.

– Софья Романовна, а у дяди машина вашей мечты, серебристая и большая, – сообщила Валя Замрикот.

Я посмотрела на дорогу. Серебристый «лексус» переливался на солнце.

– Оказывается, у нас вкусы совпадают, – проговорил «ангел».

– Оказывается, – улыбнулась я, подумав, что на такую машину мне пришлось бы копить несколько жизней.

– А хотите, я вас прокачу? – вдруг спросил незнакомец и вопросительно посмотрел на ребятню.

– Ура! – дали свое согласие дети.

– Простите, у нас урок, – напустив на себя серьезность училки, произнесла я.

Однако мое последнее слово утонуло в ребячем протесте.

– Да я потихоньку, ну, соглашайтесь, – прошептал незнакомец и так взглянул на меня, что я моментально согласилась, потому что еще немного – и я бы просто-напросто растаяла, как сосулька.

– А наша Софья Романовна не замужем, – почему-то сообщила «ангелу» Дина Ковалева.

Я онемела. И с глупой улыбкой уставилась на незнакомца. Господи, да как же выйти из этой нелепой ситуации? Выход я, конечно же, нашла бы, но мой мозг так устроен, что хорошая мысль ко мне приходит с опозданием.

– Я приму эту информацию к сведению, – улыбнулся незнакомец и скомандовал: «По коням!».

– Дядя, а как вас зовут? – поинтересовалась Дина, попав в первую очередь «путешественников».

Дело в том, что я поделила класс на три группы. С каждой группой ребят пришлось ехать и мне. Я, признаюсь, радовалась не меньше детворы, но виду, конечно, не подавала.

– Марат, – ответил «ангел» и, подав мне руку, помог забраться в салон автомобиля.

«Боже мой, – подумала я, – такое имя может быть только у моей мечты».

Покатав третью группу, дядя Марат собрался уезжать, но ребята стали просить его прокатить их по второму кругу.

– Дети, нам пора уходить, – твердым голосом заявила я. – Поблагодарите дядю.

– Да, что вы, я с удовольствием прокачу детвору еще раз, – улыбнулся «ангел».

Я и мимикой, и жестами старалась выразить недовольство своими учениками, хотя в душе благодарила их от всего сердца. В этот раз я уже сама, без помощи Марата, впорхнула в салон и наслаждалась поездкой.

– Ну, что ж, Софья Романовна, – протянул мне руку на прощание «ангел», – приятно было познакомиться.

– Откуда вы знаете, как?..

– Именно так ваши ученицы обращались к вам, – улыбнулся Марат.

– Мне тоже приятно было познакомиться с вами.

«Очень, очень приятно», – мысленно добавила я, глядя вслед удаляющемуся «лексусу», который увозил, уносил, похищал мужчину моей мечты. От бессилия я чуть не заплакала. И почему я не обладаю решительным характером моей подруги Лильки, которая, будь на моем месте, уже давно мчалась бы в автомобиле вместе с «ангелом» куда глаза глядят.

– Соня! Соня! – вдруг услышала я позади себя голос моего друга Богдана Долина.

Я с облегчением вздохнула, подумав, что вовремя убежала на урок детвора. Иначе Богдану давно стало бы известно о Марате. Ему только дай тему, все разберет по косточкам и сделает уничтожающий вывод. Особенно, это касается представителей противоположного пола, к которым я проявляю хоть малейший интерес. Дело в том, что Богдан ко мне не равнодушен и этого не скрывает. Мое же сердце молчит, хотя мой воздыхатель обладает множеством положительных качеств. Богдан, прежде всего, преданный и верный друг, очень общительный, добрый и, по мнению моих подруг, красивый и мужественный. Он, как и я, любит поэзию, хотя по образованию физик и работает в научно-исследовательском институте. Моя мама в шутку называет Богдана женихом. Считает его серьезным человеком. Я же насчет серьезности Богдана другого мнения, особенно после одного случая.

Это произошло под Одессой. Богдан решил поплавать в штормящем море. Я же должна была все это снимать на видеокамеру, которую он вручил мне уже на месте, проведя краткий курс видеосъемки. Подумав, я категорически отказалась.

– Ты меня расстроила. Если я утону, это будет на твоей совести, – бросил мне в лицо Богдан.

Услышав такие слова, я, конечно, сразу же согласилась. На берегу не было ни души. По радиоприемнику передали штормовое предупреждение. Шторм – четыре балла, а Богдан собрался купаться! Я занервничала. Ведь случись что, я вряд ли смогу помочь. Плавать я умею, но дальше буйков никогда не заплывала, тем более в штормовом море. И зачем я согласилась?! Пока я корила себя за малодушие, Богдан упорно пытался войти в море. Волны, одна сильнее другой, отбрасывали его, будто предупреждали об опасности. У меня затеплился огонек надежды, что мой друг бросит эту затею и вернется на берег, но этого не произошло. Преодолев ожесточенное сопротивление волн возле берега, Богдан поплыл дальше. А я с горем пополам снимала на видеокамеру его борьбу со стихией.

Я всматривалась в бушующее море, стараясь не упускать из виду своего друга. Какое-то время мне это удавалось, но потом я все-таки его потеряла. У меня похолодела спина, я не знала, что делать, кого звать на помощь. Я схватила телефон, чтобы позвонить друзьям, но на экране высветилось «нет сети». Я запаниковала и спустилась к воде. Я бегала по берегу и звала Богдана, совсем забыв о видеосъемке. Сколько времени я так металась, не знаю, но, когда почувствовала, что совершенно обессиленна, села на камень и заплакала.

– Ты чего? – вдруг услышала я голос Богдана совсем рядом. – Почему ты не снимаешь мое победоносное возвращение на сушу?

От неожиданности я замерла. Конечно, как я могла услышать его шаги, ведь стоит ужасный грохот волн, обрушивающихся на берег всей своей массой. Выйдя из оцепенения, я набросилась с кулаками на Богдана. Я называла его самыми отвратительными словами, имеющимися в моем лексиконе.

После того, как я успокоилась, Богдан объяснил мне, что в бушующем море он специально вызвал в себе страх, а затем преодолел его. Это наилучший способ испытать себя. Это еще что! Вот его прадеду во время Великой Отечественной войны пришлось выбираться из-под завала в подземелье. Если бы не его мужество, сила духа и терпение, он был бы заживо погребен, как два других бойца.

* * *

Июнь пролетел быстро. Я с удовлетворением покидала свою классную комнату, пахнущую краской и лаком. Кабинет был готов к приему учеников, которые, надо сказать, вместе со мной приложили к созданию этой красоты немало усилий. И, конечно же, не обошлось без помощи родителей.

Как и обещал Алексей Павлович Иволгин, моя мама после реабилитационного центра долечивалась в санатории «Березка» за городом. Однажды, посетив ее в одно из воскресений, я сообщила о своей поездке в Озеряшкино. Это известие почему-то ее огорчило. Она собралась было категорически запретить мне туда ехать, но вдруг, как будто поперхнулась и грубоватым голосом заговорила почему-то о погоде.

«Опять Наташа постаралась, – подумала я о своей прабабушке, которая, нередко вмешиваясь таким образом, не давала своей внучке, моей маме, совершать ошибки. – Стало быть, я правильно делаю, отправляясь в Озеряшкино».

Благословленная своей прабабкой, я подхватила новехонький голубой чемодан на колесах и выпорхнула из квартиры. Внизу меня ждал огромный джип Иволгина, в котором уже сидели мои подруги. Вита и Жанна встретили меня радостными возгласами. Водитель, как пушинку, подхватил мой чемодан и, открыв багажник, поставил его рядом с братьями, желтым и красным чемоданами моих подруг.

«Да, с такой кладью нам бы податься не в село Озеряшкино, а на Мальдивы, – подумала я. – Ничего! – успокоила я себя, – у нас еще все впереди».

В машине я села рядом с водителем. Открыв окно, я достала белую шелковую косынку с рисунком огромного серебристого жука-скарабея и накинула на голову.

«Прощай пыльный город, да здравствует свежесть сел и поселков!»

Наша дружная компания высадилась на автобусной остановке «Озеряшкино». Там нас встретила Дарья Артемовна Колосова, та самая пенсионерка, предложившая мне поработать в семейном архиве. Честно говоря, увидев ее в это утро, я удивилась: передо мной стояла женщина отнюдь не пенсионного возраста и очень даже симпатичная. Ее большие светло-голубые глаза под красивым изломом черных бровей смотрели приветливо. Их голубизну подчеркивал легкий светло-голубой шарф, накинутый на голову. Немного великоватый нос, закругленный на конце, придавал лицу добродушное выражение, несмотря на плотно сжа-

тые губы, слегка тронутые розовой помадой. Одета Дарья Артемовна была в легкое ситцевое платье бежевого цвета в мелкий голубой цветочек да еще в серую довольно длинную вязаную жилетку с большими карманами, которые оттягивали, вероятно, связки ключей, позвякивающие при малейшем движении женщины. Скорей всего, жилетка служила своеобразной ключницей.

– Может, вас подвезти к самому дому? – поинтересовался водитель.

– Не надо, Витя, мы сами, – отказалась Жанна.

– Ты зачем его отпустила? – напала на подругу Вита, глядя вслед быстро удаляющемуся автомобилю. – Как, по-твоему, мы будем тащить чемоданы?

– Здесь недалеко, – успокоила мою подругу Дарья Артемовна, – вот только мужа своего заберу, а там за садками пойдем.

– Что? Еще куда-то идти? – возмутилась Вита, спотыкаясь на своих каблуках.

– Да пройтись там одно удовольствие, – добродушно щебетала Дарья Артемовна.

– А как же чемоданы?

– Степан Петрович, мой муж, отвезет их на мотоцикле с коляской.

– Это другое дело, – облегченно вздохнула Вита и чуть бодрее поплелась по улице.

– А вы разве не на этой улице живете? – поинтересовалась я, вспомнив, какой уютный деревенский домик нарисовала в своем воображении.

– Здесь я снимала комнату у одной женщины. Да сейчас вы ее увидите. А теперь мы переехали в замок.

– Куда, куда? – переспросила Жанка.

– Переехали в замок Киткан. Он недалеко.

– Простите, а как же ваш архив? – удивилась я.

Дарья Артемовна остановилась и виноватыми глазами посмотрела на меня.

– Неужели я вам не сказала, что вы будете работать над архивом семейства Китканов в их родовом замке?

– Нет, я не помню этого, – ответила я, со стыдом признавая себе в том, что слушала сбивчивую речь женщины на ходу, не удосужившись даже остановиться. И сделала это лишь после того, как она сказала мне об оплате. В этот самый момент незнакомка и сунула мне в руки номер своего телефона на случай, если я надумаю подработать. А я действительно «надумала», только не сразу, а спустя месяц, когда получила отпускные и попыталась разложить их на кучки. Кучек этих оказалось всего четыре: на лечение мамы, на оплату квартиры за три месяца, на отпуск, на новый костюм и туфли к первому сентября. И все. Я ужаснулась: денег катастрофически не хватало.

– Господи, простите меня, Сонечка, это я виновата. Вечно перескакиваю с одной мысли на другую, а про главное и сказать забываю. Конечно, работать вы будете в замке Киткан – архитектурном памятнике XIX столетия. А плачу вам не я, а реставратор, известный реставратор, – подчеркнула Дарья Артемовна, – Эдуард Львович Красинский. Это необыкновенный человек. Знаете, в истории народов и городов, есть даты и события, которые заставляют впоследствии отсчитывать время «до» них и «после» них. Так вот, у жителей села Озеряш-кино есть тоже «своя» дата – это приезд в замок Эдуарда Львовича. Кстати, он нас встретит, пообещал ждать в беседке. Так вот, сейчас его работу спонсирует один бизнесмен из-за границы, который взял в аренду этот замок и хочет сделать из него VIP-отель, обещая не только восстановить и реставрировать замок, но сохранить и дух эпохи. А до этого было тяжелее. Государство на реставрацию выделяло гроши. Приходилось прибегать к помощи волонтеров и школьников.

– Да что говорить! Не стоит извиняться! – повеселела Жанка, которая слушала Дарью Артемовну с открытым ртом. – Это же... Это же VIP-работа! Всю жизнь мечтала пожить в настоящем замке. Мрак... Привидения... Тайные ходы и клады...

– Здорово! – не сдержалась и Вита.

– Ну, замок так замок, – согласилась я.

Наконец, мы остановились возле потемневшего деревянного забора, за которым виднелся низкий кирпичный дом с узкими окнами, имеющими неприглядный вид, потому что краска на оконных наличниках отшелушилась. Крыша, покрытая старым шифером, дышала ветхостью. Только зелень деревьев и хмеля, выющегося по забору, да еще мотоцикл с коляской возле абрикосы, придавали усадьбе более и менее приличный вид.

Дарья Артемовна подошла к калитке и постучала.

Мы тоже остановились и только сейчас заметили столб пыли позади себя. Наши веселые чемоданчики, героически выдержавшие поход по пыльной сельской дороге с ухабами, были одного цвета – серого, правда, с «подсветкой», зависящей от подлинного цвета каждого из них. Мой чемодан был серо-голубым, Жанкин – серо-желтым, а чемодан Виты – серо-красным.

– Да, это не Рио-де-Жанейро, – пробормотала Витка и всей пятерней стукнула по своему чемодану, закашлявшись от взлетевшей пыли.

Красная пятерня четко выделилась на серой поверхности. Нам с Жанной это понравилось, и мы последовали примеру своей подруги, оставив отпечатки ладоней на собственных чемоданах.

– Открытие аллеи звезд в селе Озеряшкино, – громко объявила Жанна.

После ее слов послышались аплодисменты. Они принадлежали Дарье Артемовне.

– Да вы не переживайте, отмоем, – ободрила нас женщина и со всей силы забарабанила по калитке.

– Бегу, бегу, – раздался из глубины двора грубый женский голос.

– Спишь, Карповна? – спросила Дарья Артемовна.

– Я похожа на идиотку? Работы много. Мне же за двоих пахать приходится, – уже ближе к забору послышался голос хозяйки.

Загремел тяжелый засов, и калитка распахнулась, явив перед нами запыхавшуюся женщину огромного роста, в потертой мужской сорочке коричневого цвета. Ее мощную шею небрежно прикрывала белая косынка в мелкий черный горошек, а массивные бедра облегали выцветшие трикотажные бриджи, когда-то, видимо, имевшие черный цвет. На босых ногах были надеты грязно-голубые резиновые шлепанцы. Темные короткие волосы торчали в разные стороны, похоже, хозяйка на них не обращала никакого внимания.

– Ой, ты бы предупредила, что не одна, – торопливо сняв с шеи косынку и надев на голову, проговорила Карповна. – Здравствуйте, – поздоровалась с нами женщина.

– Где мой? – оглядывая двор, спросила Дарья Артемовна.

– В доме валяется. С моим гадом нализались. Не успела и глазом моргнуть, как они готовы.

– Спасибо, Лиза, – засуетилась Дарья Артемовна и бросила извиняющийся взгляд на девушек. – Простите, я сейчас, мой муж... болен.

Дарья Артемовна побежала к дому Лизы.

– Болен! – хмыкнула ей вслед Елизавета и, оглянувшись на девушек, добавила. – Алкаш беспросветный, похлеще моего Жорки будет.

Видно, эти слова достигли ушей торопившейся Дарьи Артемовны, которая уже открывала входную дверь. Овернувшись, она с укором посмотрела на Лизу.

– Что ты, разве так можно?

– Ну, Дарья, ты святая, – искренне восхитилась хозяйка дома и, повернувшись к нам, сказала, – надо помочь.

Минут через десять женщины вывели на улицу растрепанного, пьяного в стельку, мужчину лет пятидесяти пяти, находящегося в полусонном состоянии. Тонкие черты интелли-

гентного лица и мученическое его выражение поразили меня. Когда же он открыл глаза и мельком бросил взгляд в мою сторону, я успела прочесть в них мучительную тоску. Я невольно прикрыла рукой горло, будто боль этого человека могла проникнуть в меня.

Сделав несколько шагов, мужчина высвободился из рук женщин и, еле держась на ногах, пошел в нашу сторону.

– Дамы, позвольте представиться... – заплетающимся языком начал он, игриво приложив руку к виску, – Ки... Ка... Колосов Степан Петрович, можно просто – Степан.

– Жанна, – натянуто улыбнулась моя подруга.

– Виктория.

Я нерешительно сделала шаг навстречу ему и тихо произнесла свое имя.

Вдруг лицо Степана Петровича побледнело, глаза засветились безумным блеском, словно перед собой он увидел ангела или призрака.

– Ася! Асенька! – глядя на меня, нежно произнес Степан Петрович и дрожащей рукой провел по моей голове.

– Степа, Степа! – подбежала к мужу Дарья Артемовна. – Эту девушку зовут Соня.

– Соня?! А где Ася?

– Она умерла, – ответила Дарья Артемовна, поглаживая мужа по голове, как маленького ребенка.

– Слушай, как же ты его доведешь? – посочувствовала Лиза. – Пусть остается у меня, а там, когда отрезвеет, выгоню, пусть катит на своем мотоцикле.

– Да он опять напьется, а мне девушек в замок надо доставить.

– Слушай, сажай своего красавца в коляску, на него бросай чемоданы, я отвезу, – решительно заявила Лиза.

Поразмыслив немного, Дарья Артемовна согласилась.

Несмотря на свою тучность, Лиза двигалась на удивление быстро и легко. Вместе с Дарьей Артемовной они усадили в коляску мотоцикла сначала Степана, а затем кое-как приткнули чемоданы.

– Слушай, а портмоне Степана мы не забыли? – вдруг вспомнила Дарья Артемовна.

– Хорошо, что ты напредила, – спохватилась Лиза, – я его в «сейф» запрятала, а то пропил бы оставшиеся гроши. Сейчас принесу.

– У Лизы есть сейф? – удивилась я.

– Да бог с вами, Сонечка, это шутка. Такой «сейф» есть у каждой хозяйки на кухне. Это банки для специй или сыпучих товаров, – объяснила Дарья Артемовна.

Через несколько минут появилась запыхавшаяся Лиза с темно-коричневым портмоне в руке, с которого она сдувала остатки муки.

– Возьми, подруга, не знаю, сколько там денежек, но, что сберегла...

– Да, ладно, сколько есть, – вздохнула Дарья Артемовна и, взяв портмоне, положила в карман желетки.

Со знанием дела Лиза принялась прилаживать багаж. Вита с ужасом наблюдала, как ее чемодан терзает в своих огромных ручищах этот фельдфебель в юбке.

– Подождите, с моим так не надо! – не выдержав, закричала девушка и вытащила свой чемодан из коляски.

Я, конечно, Витку поняла, она пылинки сдувала с этого чемодана, купленного в специализированном магазине на мизерную зарплату архивного работника, а тут эту самую драгоценность, как мешок, сваливают в кучу да еще на пьяного мужика, который в любую минуту может проснуться и сбросить его на дорогу.

– Я тоже заберу свой чемодан, – поддержала подругу Жанна.

Что тут говорить, и мой голубой чемоданчик был мне очень дорог.

– Тогда так, девчонки, занесите чемоданы к бабе Варе, пусть постоят, а я этого обормота завезу и вернусь за ними, – предложила Лиза.

– Нет, уж, – запротестовала Вита, живо представив, как ее красненький чемоданчик по-хозяйски обживает какая-нибудь курица бабы Вари. – Везите сначала Степана, а потом заберете наши чемоданы. Пока мы возьмем их с собой.

– Можно и так, – согласилась Лиза и лихо «оседлав» мотоцикл, который под ней изрядно просел, дала газу.

Мы же побрели к окраине села. Выйдя на тропинку, пролежавшую «за садками», Дарья Артемовна сняла шлепанцы и живо зашагала босиком. Сначала мы с завистью смотрели на ее легкую походку, а затем поочередно разулись и сами. Мы даже повеселели. Теперь наши чемоданы не казались нам лишними, мы их почти не ощущали, любуясь природой. Вокруг была красота. Слева чередовались поля кукурузы и начинающего свое цветение душистого подсолнуха, кое-где обвитого фасолью, а справа, ограждая длинные огороды, спускавшиеся к домам, стеной росли кустарники терна и боярышника. Через поредевшие заросли и в промежутках между домами просматривалась улица, а еще ниже серебрившаяся под солнцем гладь пруда. С тропинки хорошо был виден и противоположный берег, который пологим склоном поднимался к железнодорожному полотну. Местность была открытой, поэтому ветерок гулял привольно, теребя во все стороны наши волосы. Тело окутывало солнечное тепло, а ноги холодила душистая полынь. Заметив, что наш дух приободрился, Дарья Артемовна принялась нахваливать село. Вот что мы узнали из ее рассказа.

Глава 4

Село Озеряшкино находится около часа езды от города. Изумительная природа. Чистый воздух. Вода в родниках целебная! На берегу живописного озера находится замок Киткан. Огромная работа была проделана по его восстановлению. Тонны мусора были вывезены во время реконструкции здания. Внутренние помещения воссоздавались заново. Почти полностью была восстановлена восточная башня замка, куда местные девушки бегают загадывать желания, которые, говорят, обязательно сбываются. Вообще, замок хранит много тайн. Поговаривают, что некоторым даже удалось видеть призрака черного монаха, который стережет клад с фамильными драгоценностями семьи сахарного магната, а также иконы, спрятанные в подземелье в далеком 1918 году. Никто не знает, где именно все это находится. Замок окружает великолепный парк, состоящий из нескольких островов, соединенных между собой деревянными и каменными мостиками...

Я с раскрытым ртом слушала рассказ Дарьи Артемовны, не заметив, как передо мной внезапно остановилась Жанна. Мы чуть не столкнулись. Она рылась в сумке в поисках мобильного телефона. Обогнав ее, я только услышала, как она радостно сообщила в трубку, наверное, отцу, о призраке черного монаха. Вот, дурочка! Зачем волновать родителя такими историями?!

Незаметно мы подошли к шоссе, где нас уже ждала Лиза. Подчеркнуто бережно «посадив» наши чемоданы в коляску, она развернулась, пересекла дорогу и въехала в тень липовой аллеи. Нас же Дарья Артемовна, чтобы сократить расстояние, повела еле заметной тропинкой, продолжив рассказ о селе Озеряшкино и замке Киткан.

Так мы узнали, что село появилось на свет из небольшого поселка для служащих, которые работали в оранжереях, конюшнях, на электростанции, амбарах, парке, саду, находящихся в усадьбе известного сахарозаводчика. Некоторые из хозяйственных построек сохранились и до наших дней, однако они находятся в ужасном состоянии. В усадьбу экскурсанты попадают через Парадные ворота, рядом с которыми находится беседка с колоннами. Отсюда начинается главная аллея. Она тянется через всю усадьбу. Отгородившись от аллеи зарослями сирени, находится замок, чуть дальше, возле оранжерей, – двухэтажный флигель, за ним – амбар. Пересекая березовую рощу, аллея устремляется к церкви и возле хозяйственных построек завершает свой путь. Вообще-то замок и все имеющиеся строения вместе с церковью – это усадебный ансамбль, памятник архитектуры классицизма в Украине. Оказывается, это строение было возведено на склонах трехкилометровой балки. От возвышающегося замка до самого озера спускаются террасы, которые когда-то были засажены экзотическими цветами и декоративными кустарниками. Сейчас на них растут деревья: дубы, липы и клены. Сам замок возведен на южном склоне. Мы должны были выйти к нему со стороны внутреннего двора. Внезапно звонок мобильного телефона прервал рассказ Дарьи Артемовны, она извинилась и ответила на него.

– Да, слушаю вас, Эдуард Львович! Приехали! Веду!

Нет, все тайны выдавать не буду, – улыбнулась Дарья Артемовна, – конечно, о замке расскажете вы... Еще минут десять... Поняла.

Дарья Артемовна положила в карман кофты телефон.

– Вас ждут. Эдуард Львович Красинский звонил, беспокоится. Великолепный человек, интеллигент. Реставратор с большой буквы, если можно так выразиться. Ему пятьдесят семь лет, но выглядит он гораздо моложе. Всегда подтянут, вежлив, предупредителен. Ох! Я завищую Беате, его жене. Живет, как мотылек, беспечно и весело. Муж – надежная опора, стена, не то, что мой бездельник. Нужно любимой отдохнуть, берет в охапку да в машину, и... куда она пожелает. И никаких тебе забот. – Дарья Артемовна на мгновение призадумалась,

но тут же, как будто что-то вспомнив, продолжила, – а нет, вру, есть у нее забота: на каком бы аукционе прикупить драгоценности. Можно назвать еще одну «заботу», но это так, по секрету, любит окружать себя поклонниками. И представьте, Эдуард Львович к этому относится снисходительно, даже с юмором. Понимает, жена, молодая и красивая, без восхищенных взглядов просто зачахнет. Всех поклонников Беаточки приглашает в замок. Ей, бедной, как мне кажется, даже изменять ему не интересно.

Наконец, сквозь стену кустарников сирени проявилось интересное здание.

– Вот, девочки, мы и вышли к замку, а точнее, к его левому крылу. Сейчас вы увидите огромную двухэтажную веранду. Сюда, сюда, здесь тропинка. А вот и веранда.

Хотя первый и второй этажи здания состояли, можно сказать, из одних окон, тем не менее оно показалось мне громоздким и довольно безвкусным. Возможно, в те времена эта постройка вызывала море восторга. Веранда мне что-то напомнила, но что именно, я так и не вспомнила. Узорчатые рамы на первом и втором этажах были без стекол, в некоторых просто торчали осколки. Потолок на втором этаже, просматривающийся через окна, выглядел неприглядно из-за грязных подтеков с крыши. Скорей всего, этой части замка реставрация еще не коснулась.

Как объяснила нам Дарья Артемовна, в здание можно попасть и через веранду, но ей хочется провести нас внутрь через парадный вход, тем более что в беседке перед замком нас ждет Эдуард Львович. Мы обогнули веранду, и Дарья Артемовна повела нас напрямик к круглой белоснежной, под стать фасаду замка, беседке под красным куполом. На ступеньках с распростертыми объятиями стоял мужчина среднего возраста, невысокий, с приятным животиком, в легком пиджаке бежевого цвета и такого же цвета широких шортах ниже колен. На ногах были марокканские бабуши из натуральной кожи с изогнутыми носами, что невольно вызвало у меня улыбку. Вот бы заменить его каштановые с благородной проседью волосы до плеч на совершенно белые, а каштановую козью бородку – на длинную до груди и тоже белую. Сбросить бы килограммов двадцать, и вышел бы всем известный старичок. Правда, совершенно не помню, были очки у сказочного персонажа или нет, а вот на носу Красинского поблескивали желтыми линзами стильные очки.

– Милые дамы, приветствую вас в Киткан-холле, – торжественно произнес Эдуард Львович. – Надеюсь, Дарьюшка не все поведала вам о замке?

– Зачем вы меня обижаете? – Игриво нахмурилась Дарья Артемовна. – Я рассказала девушкам совсем немного.

– Ну, что ж, Дарья, ты меня успокоила. Итак, позвольте представиться: Эдуард Львович Красинский, реставратор, арендатор этого замка, правда, по доверенности, а также экскурсовод.

Мы тоже назвали свои имена.

Эдуард Львович радушно пожимал руки моих подруг. Когда же очередь дошла до меня, он вдруг воскликнул, задержав мою руку в своих ладонях:

– Ба! Глазам не верю: Анна Михайловна! Вылитая госпожа Киткан!

– Я же вам говорила, – обрадовалась Дарья Артемовна. – Сходство невероятное.

«Господи, да они здесь все ненормальные, – подумала я, – один кличет меня Асенькой и смотрит, как на привидение, другой величает госпожой Анной Михайловной и чуть ли не падает ниц».

Подруги восхищенно посматривали в мою сторону, будто у меня на лбу высветилось табло с расписанием рейсов самолетов в Париж.

Мне же стало не по себе. Я, наверное, покраснела или побледнела, потому что Эдуард Львович бросился меня успокаивать.

– Да не тушуйтесь вы так, милочка. Я понимаю вашу неловкость, но поверьте, ваша красота заслуживает того, чтобы примерить на себя образ прекрасной хозяйки замка. Эта

великолепная идея пришла в прехорошенькую головку моей жены Беаты. Сейчас она с другом загорает на озере, к обеду подойдет.

– Извините, – перебила Красинского Дарья Артемовна. – Дело в том, что Сонечка еще ничего не знает об идее.

– Но, как же так, Дарьюшка?! – растерянно посмотрел на свою помощницу реставратор.

– Да это мелочи, в процессе работы оговорили бы их.

– Простите. О чем идет речь? – заволновалась я и посмотрела в ясные глаза Дарьи Артемовны.

– Успокойся, Соня, – улыбнулась женщина, положив руку мне на плечо. – Ведь я тебе обещала рассказать все на месте. Так вот. Идея заключается в том, чтобы создавать для экскурсантов, так сказать, живые картинки. То есть, все обитатели замка, ты и твои подруги в том числе, время от времени будут переодеваться в костюмы промышленника и его жены, а также их гостей. Например, Анна Михайловна в будуаре читает книгу или Анна Михайловна с подругами гуляет в саду, или сидит за столиком в тени старых лип. Представляешь, навстречу туристам идет сама хозяйка замка, будто сошедшая с картины, висящей в холле. Ну, согласишься, здесь нет ничего предосудительного.

Я облегченно вздохнула и улыбнулась подругам.

– Да вроде бы нет. Правда, девочки?

– Конечно, – обрадовалась Жанна.

– А как же архив? – поинтересовалась я.

– Архив остается и оплата тоже, – подытожила Дарья Артемовна.

– Вот и хорошо, вот и славно, – похлопал в ладоши Эдуард Львович, – иначе я бы ужасно расстроился, если бы эти прелестные создания отказались украшать замок своим присутствием. – Ну, что ж, а теперь прошу в святая святых этого райского уголка – замок Киткан, – торжественно объявил Красинский, и мы потихоньку двинулись к главному входу.

Белоснежный фасад замка, щедро освещенный солнцем, слепил глаза. Немного пройдя вперед, Эдуард Львович остановился и с упоением начал свой рассказ.

Длина замка шестьдесят пять метров. Он состоит из западной части /правое крыло/, трехэтажной центральной с двумя оборонительными башнями в готическом стиле, каждую из которых венчают шпиль и зубцы, а также восточной части /левое крыло/. Позже все части здания достраивались, переделывались в разное время. Так, к средней части дворца был пристроен большой зал, а к восточной – застекленная веранда в виде ковчега.

«Так вот на что похожа веранда, – подумала я. – как же я сразу не вспомнила?!»

Эдуард Львович снял очки и протер их белоснежным носовым платком, затем надел снова.

– Время, время... – вздохнул реставратор. – Даже ковчег не смог спасти владельца сахарных заводов и его семью от жизненных невзгод. Сам он и его сын были расстреляны большевиками, жена и дочь бесследно исчезли. Замок начали грабить, но власти вовремя опомнились и организовали санаторий для туберкулезных больных под названием «Красный замок», в годы войны это был уже госпиталь под тем же названием, потом разруха, забвение, и вот я со своими друзьями пытаюсь вдохнуть жизнь в эти стены. Вот так, барышни. Ну-с, а теперь о прекрасном...

Эдуард Львович указал на длинный балкон, растянувшийся на весь центральный фасад. Затем повел нас по широкой лестнице на открытую террасу с колоннами, откуда можно было любоваться прекрасным видом на живописный парк. С террасы мы направились внутрь здания, заметив на дверном проеме из черного мрамора, высеченный герб владельцев замка. Холл нас встретил безмолвием и прохладой. Я как будто почувствовала лег-

кий ветерок. Мне даже послышался едва уловимый звон хрустальных подвесок огромной старинной люстры чудом сохранившейся неприкосновенной.

«Наверное, надо мной тоже парит ангел», – подумала я, вспомнив одну американскую мелодраму, героиней которой была маленькая девочка, мечтавшая о встрече с отцом.

Конечно, в этот мистический звон я вложила свою заветную мечту – найти любовь. А вдруг это случится именно в замке. Мою романтическую мысль будто подслушал и поднял на смех мраморный шут, бюст которого, как мне показалось, ни к селу ни к городу, прилепился недалеко от белоснежной мраморной лестницы, которую венчал портрет Анны Михайловны в массивной золоченой раме. На нем хозяйка замка была изображена во весь рост.

Мы медленно поднимались по лестнице, с каждым шагом приближаясь к ней. Не знаю, как подруги, а мною овладело необъяснимое волнение. Я вдруг почувствовала себя такой маленькой, такой бесцветной под надменным взглядом ее миндалевидных серых глаз на овальном лице, обрамленном светло-русыми локонами. Воздушное дымчатое кружево на декольте, подчеркивало плавные изгибы плеч и шеи, а темно-синий шелк платья, обтянув грудь и талию, ниспадал, переливаясь, пышными фалдами. На груди Анны Михайловны красовался... мой медальон, то есть, конечно, не мой, но очень похожий: золотое сердечко с вензелем «А.М». И тут я впервые задумалась, что означают буквы «А» и «М» на моем медальоне и вообще, откуда взялось само украшение? Надо будет спросить у мамы. Продолжая всматриваться в портрет хозяйки замка, я действительно уловила некоторое сходство ее лица с моим. Хотя, скорей всего, это было влияние Эдуарда Львовича, потому что, не упомини он об этом, я вряд ли набралась бы смелости искать сходство с женой магната.

От лестничного пролета, где мы наслаждались портретом, парадная лестница разветвлялась на две более узкие, ведущие на второй этаж. Там находились наши комнаты.

На третий этаж, как объяснил нам реставратор, вели две деревянные лестницы. Одна из них находилась в конце восточного крыла второго этажа, а другая – западного. Поднявшись по ним, можно было попасть в комнаты для прислуги. Сейчас же на третьем этаже собран хлам со всего дома, в том числе и семейные бумаги, которые впопыхах снесли туда. Спасибо, что еще не сожгли. Вот с этими бумагами нам и предстоит разобраться. Еще мы узнали, что со второго этажа, если идти в конец восточного крыла, можно попасть в восточную башню, а потом, поднявшись по винтовой лестнице, выйти на ее крышу, где загадывают желания. В западном крыле соответственно находится западная башня, однако ей почему-то девушки не доверяют сердечные секреты.

Пройдя немного по коридору второго этажа, мы, наконец, остановились возле одной из дверей.

– Беаточка приготовила вам, милые девушки, две спальни с огромными царскими кроватями, – торжественно сообщил нам Эдуард Львович. – Мы можем, конечно, выделить каждому по комнате, но это будет уже во флигеле и совершенно не романтично. Здесь же вы сможете пропитаться духом того времени, вжиться, так сказать, в образы.

– Большое спасибо, нам бы хватило и одной комнаты с огромной кроватью, – улыбнулась я, беря во внимание стройные фигуры своих подруг и свою собственную, истерзанную спортом и различными диетами.

Однако мою мысль поймали только мои подруги, реставратор же объяснил ее иначе:

– Боже мой, боже мой! Я вас понимаю. Молодые годы! И откуда только берутся темы для разговоров. Да-а-а, – вздохнул Эдуард Львович и похлопал себя по карманам. – Ой, ключи... Неужели они у Беаточки? Дарья! Дарья! А где Дарья? – засуетился Эдуард Львович и поторопился на первый этаж.

Мы вопросительно посмотрели друг на друга. Вероятно, увлеченные рассказом реставратора, мы и не заметили, когда Дарья Артемовна нас оставила.

Но вот со двора долетели какие-то голоса, через минуту в этот хоровод звуков влился и голос Эдуарда Львовича.

– Дорогая, где ключи от спален?

– Милый, сто раз тебе говорила: в кабинете на секретере. Специально туда положила, чтобы ты не забыл. Ох, уж эти творческие личности! – раздался милый женский голосок.

– Тогда прости, голубушка, побегу, гости ждут.

– погоди, я слетаю сама, – решительно остановила мужа Беата.

– Боже мой, ангел, что бы я без тебя делал?! А где Марат?

– Остался на пляже греть животик.

Почему-то при имени Марат у меня сильнее забилося сердце. Но с какой это стати я вдруг решила, что тот Марат может очутиться именно здесь? Проснись, Сонечка, это не голливудская мелодрама.

Между тем мы с девчонками решили осмотреться. Длинному, довольно темному коридору с дверями и нишами, казалось, не было конца. Если бы не тумбы с белыми мраморными бюстами греческих философов, которые занимали узкие ниши, а также легкомысленные диванчики эпохи Людовика 14, нашедшие пристанище в более широких нишах, коридор имел бы мрачный вид. Не уверена, что немногочисленные бра, висящие в промежутках между нишами, дают много света в вечернее время.

Вдруг тишину замка нарушило спешное цоканье каблучков, и вскоре в коридор вплыло, нет, влетело розовое облако, которое стало быстро приближаться к нам.

Это была молодая женщина, чуть старше меня, необыкновенно красивая в розовом шифоновом платье. Из-под копны, витиевато выложенных пшеничных волос, на нас жизнерадостно смотрели огромные фиалковые глаза, особенно выделяющиеся на загорелом лице. Розовые губы расплылись в улыбке, и серебристый голос прозвенел:

– Это вы ждете ключи?

– Да, – ответила я, как во сне, не отрывая глаз от лица сказочной феи.

– Берите же их! – проговорили губы, похожие на лепестки розы, и только сейчас я заметила ключи на протянутой ладони.

– Спасибо! – услышала я рядом с собой.

Жанна, более расторопная, чем я, вместо меня взяла ключи.

– Так это вы Беата?! – весело спросила моя подруга.

– Да, это я... Ох, простите, от этой жары забудешь все правила хорошего тона. Прежде всего, надо было представиться. Итак, начну все сначала. Беата, жена и муза Эдуарда Львовича Красинского.

– Жанна, – сказала моя подруга.

– Виктория, – произнесла Вита, поймав вопросительный взгляд хозяйки замка.

Только я открыла рот, чтобы вымолвить свое имя, как Беата рукой остановила меня.

– А вы, безусловно, Соня, которая очень похожа на Анну Михайловну. Мне о вас успела рассказать Дарья. Ну, что ж, пожалуй, я сама, на правах хозяйки, покажу вам комнаты, которые я и моя помощница приготовили для вас.

Жанна вернула Беате ключи, и та, проворно открыв комнату, пригласила нас войти.

– Это Красная спальня, – сказала Беата, подойдя к одному из двух изящных кресел, находящихся в комнате, и мило взбила небольшую красную бархатную подушечку. – Судя по изяществу мебели, – продолжила хозяйка, – а также изобилию картин и особенно старых фотографий разных размеров и форм с домочадцами семьи промышленника, эта комната принадлежала Анне Михайловне.

Большую часть Красной спальни занимала огромная деревянная кровать с резными спинками, углы которых облюбовали забавные херувимчики. Застлана кровать была шелковым покрывалом кораллового цвета с рюшами. Изголовье венчали четыре шелковые

подушки, вероятнее всего, тоже имеющие один из оттенков красного цвета, но какого именно трудно было разобрать потому, что они лежали в глубокой тени бархатного полога бордового цвета, обрамленного розовой бахромой с кисточками.

– Как хорошо сохранилась ткань, – удивилась Вита, дотронувшись до покрывала.

– Ну, что вы, – возразила Беата. – Настоящая ткань была побита молью, пыль в нее за столько лет просто въелась. Я уверена, что она не выдержала бы контакта со стиральным порошком и горячей водой. Поэтому мы по образцу заказали на фабрике новую ткань. Точно так же мы поступили и с мебелью. Что сохранилось, отреставрировали, а что бесследно исчезло, восстановили по картинам, фотографиям и архивным записям. Вот так обновилась Красная спальня. Точно так же мы поступили со всеми комнатами и залами. Нам осталось поработать еще на третьем этаже и в подвале.

Мы с девочками разбрелись по комнате. Двигались тихо и, мне кажется, почти не дышали, словно чувствовали присутствие настоящей хозяйки. Я подошла к туалетному столику из какого-то темного дерева с овальным зеркалом в массивной оправе из такого же материала. Мое внимание привлекла милая вазочка с потертым рисунком, стоящая на столике. Я провела пальцами по рисунку, а затем дотронулась до небольшой круглой коробки, на которой была изображена розовощекая девочка с огромными карими глазами и пухлыми красными губами в овальной рамочке из красных и белых роз. Крышка была немного сдвинута, и я увидела краешек белоснежной салфетки, вязанной крючком /насколько я могу судить/. Странно, но все эти незамысловатые вещи заставили мое сердце биться чаще.

Осмотрев спальню Анны Михайловны, мы отправились в следующую комнату. Здесь, кроме комода и настольной лампы, мебель была более современной. Шторы, обои, обивка мебели, покрывало на кровати были выдержаны в оттенках синего цвета. Огромная белая кровать была узнаваема: примерно такую я видела в мебельном салоне недалеко от моего дома. Шкаф с антресолями тоже вряд ли представлял историческую ценность.

– Ну вот, девочки, два человека, я думаю, поместятся здесь, в Синей спальне. А теперь не буду мешать, вы, наверное, устали после дороги. Если захотите пообедать, приходите во флигель, серое двухэтажное здание на заднем дворе. Сегодня самообслуживание. Дарья сварила великолепный борщ, советую попробовать. Обычно мы обедаем вместе кроме тех дней, когда много работы. Сегодня все перепуталось, поэтому едим, кто, когда успеет. По вечерам собираемся в гостиной: неспешно обсуждаем прожитый день, слушаем музыку, пьем прекрасное вино, иногда танцуем.

Честно говоря, когда Беата ушла, я вздохнула свободно. Я вернулась в Красную комнату и принялась разбирать чемодан, в то же время, осматриваясь вокруг. Конечно, одной здесь спать страшновато даже ради гостеприимных хозяев, которые хотят, чтобы здесь я вживалась в образ Анны Михайловны. Интересно, и как только она не задохнулась под этим тяжеловесным балдахином? Еще раз окинув взглядом комнату, я решила заглянуть к девочкам, смех и голоса которых доносились со стороны окна. Я подошла к нему и, отодвинув штору, обнаружила выход на длинный балкон. Оказавшись за пределами комнаты, я невольно залюбовалась необыкновенно красивым видом.

– А вот и она! – вдруг услышала я рядом с собой голос Жанки, которая вышла на балкон со своей комнаты.

За ней появилась и Вита. Размеры балкона нас поразили, хоть бери да катайся на велосипеде.

– Девочки! Идите сюда! – Закричала Жанна, прильнув к окну, которое находилось рядом с моим только с левой стороны.

Окно было без штор, кое-где на стекле остались брызги от белой краски. Видно, совсем недавно здесь делали ремонт. Стулья вверх ножками стояли на столе. Свернутый ковер лежал около шкафа. Два кресла и небольшой диванчик были накрыты белыми чехлами.

Честно говоря, мне стало как-то не уютно, от осознания того, что за стеной находится нежилая комната. Дальше балконная дверь была открыта, и не требовалось особого ума, чтобы понять – это рабочий кабинет Эдуарда Львовича. Здесь обе стены занимали стеллажи с книгами от пола до потолка, возле окна стоял огромный письменный стол из красного дерева. На удобном, довольно массивном кожаном кресле лежал плед и маленькая подушка, которую хозяин кабинета, скорей всего, подкладывал под поясницу. Так обычно делает моя мама. Возле противоположной стены примостился небольшой диван с миниатюрным круглым столиком напротив.

За кабинетом Эдуарда Львовича находилась спальня. В ней не было ни пологов, ни тяжелых штор. Мы с девочками сразу определили, что она принадлежит хозяевам: на стене висела большая фотография супругов. Следующее окно было тщательно зашторено, если я не ошибаюсь, это спальня Степана Петровича и Дарьи Артемовны, а вот дальше... Первой шла Жанка, именно ее любопытный нос первым втыкался в стекла окон тех комнат, которые мы проходили. Но вдруг она застыла на месте, резко нагнулась, видимо, не желая, чтобы ее увидели со стороны комнаты, и в полусогнутом состоянии попятилась назад.

– Девчонки, там такое... там тако-ое... – широко раскрыв глаза, захлебывалась подруга.

– Что? – раскрыла рот от любопытства Витка.

– Не что, а кто, – загадочно прошептала подруга и скомандовала, – сюда!

– Неудобно, девочки, – попробовала воспротивиться я.

– Да ладно тебе, – махнула на меня рукой Витка и, согнувшись по примеру Жанны, стала приближаться к окну.

Возле окна она выпрямилась и, вытянув шею, заглянула в него. Я не сводила глаз с подруги. Вот она чему-то удивилась, закрыв рот ладонью, и поспешила ко мне.

– Загадка для первоклассника. Попробуй отгадать, Соня, кто находится в той комнате? Мы с Жанной уже знаем ответ.

– Хватит валять дурака, – зло прошептала я. – Кто?

– Загляни – и все поймешь, – таинственно подмигнув Жанне, проговорила Вита.

Я нерешительно двинулась вперед, все еще раздумывая, нужно ли мне это. Наконец, подойдя к окну, я заставила себя заглянуть в комнату. Это была спальня. Вся белая и воздушная. На краю постели, спиной к окну, сидел черноволосый молодой мужчина, причем голый... почти: с его левого плеча небрежно ниспадал белый махровый халат. Где-то за стеной раздавался шум воды, видно, кто-то принимал душ. И тут до меня дошло, кто именно. На кровати единственным розовым пятном виднелось небрежно лежащее платье раскрасной сказочной феи Беаты. Но в ближайшую минуту меня ждал еще один, более ошеломляющий, сюрприз. Мужчина потянулся за пачкой сигарет, лежащих на стеклянном столике возле кровати, и в этот миг мне удалось разглядеть профиль его лица. Это был мой «ангел» с прекрасным именем Марат.

Я резко отпрянула от окна, ругая себя разом за все на свете: что послушала девчонок, что так мне и надо, нечего заглядывать в чужие окна, что встретила «ангела», что влюбилась в него, как дурочка, что... Мои глаза наполнились слезами.

Хитрые улыбки подруг мгновенно исчезли, когда они увидели мое состояние.

– Что случилось? – испуганно спросила меня Вита.

Я молча прошла мимо нее. Девчонки, перешептываясь, поплелись за мной. Пройдя окно своей комнаты, я остановилась.

– Девочки, можно я буду спать с вами? – вытирая слезы, спросила я.

– Сонька, ну ты даешь! Только так и не иначе! – категорично заявила Жанна. – Оставь там, в шкафу, несколько тряпок, чтобы не обидеть хозяев, и сюда. В той Красной спальне можно сойти с ума.

Войдя в Синюю комнату, я почувствовала себя веселее. Здесь не было давящего красного цвета и предметов, несущих на себе бремя прошлого.

– Интересно, а сама Беата спать в Красной спальне не пробовала? – не без агрессии взболтнула я.

– Хитрая лисичка эта красавица, – поймав мое настроение, констатировала Вита. – Сама такая прозрачная, а нам борщ предлагает.

– А мне кажется, она была искренней, предлагая нам пообедать, – неожиданно для себя перешла я на сторону хозяйки замка.

– В том-то и дело, что «кажется». Ты лучше скажи, зачем мне предлагать борщ? – кипела, склонная к полноте, Витка, живущая в постоянной борьбе с килограммами.

– Слушай, ты чего пристала с этим борщом?! – улыбнулась я.

– Да потому, что потому. Всего кусочка не хватает до полной луны.

Вот оно что! И как я забыла! Наша Витка помешана на лунной терапии и живет по лунному календарю, а в соответствии с ним за два дня до полнолуния и в само полнолуние нужно есть меньше обычного, иначе можно быстро прибавить в весе.

– Слушайте, вы вообще о чем? – возмутилась Жанна. – А ты?! – она посмотрела на меня в упор, – что зубы заговариваешь? Колись лучше, почему разрыдалась?

Я удобно улеглась на кровати и все честно рассказала подругам. Они мне посочувствовали от всего сердца, но ругать Марата не стали, ведь он даже не знал, что в него влюбилась скромная учительница по имени Соня, которая видела его всего лишь один раз в жизни. Девчонки немного поучили меня жить, затем мы, дружно облачившись в купальники и легкие сарафаны, помчали на озеро.

Время пробежало незаметно. Мы покидали уютный пляж в шестом часу вечера, когда солнце уже клонилось к закату, острее запахло свежестью, и комариные стаи назойливо закружили над нашими головами. Мы поторопились, ведь следовало еще подготовиться к ужину. Честно говоря, у меня затрепыхалось сердце при мысли о том, что сегодня вечером я встречу Марата. Но узнает ли он меня?

Над вечерними убранствами мы долго головы не ломали, да и выбора особого у нас не было. Мы с Витой взяли по одному нарядному платью на всякий случай. Жанкин гардероб, конечно, мог быть разнообразнее, но она не стала выделяться и тоже обошлась одним экземпляром вечернего наряда. Итак, на мне был длинный шифоновый сарафан цвета электрик, на ногах – изящные серебристые босоножки, на шее – прабабушкин медальон. Особой прически я не делала, просто после душа феном высушила волосы, которые после мытья обычно приобретают пепельный оттенок. Жанна сделала нам с Витой вечерний макияж. Кстати, Вита облачилась в белое платье, которое удачно контрастировало с ее черными волосами. Жанна надела легкий желтый брючный костюм, состоящий из корсета, расшитого бисером, и широких брюк. На шее у нее красовалось милое кольцо из черного жемчуга, конечно же, не из того, который можно увидеть в изделиях, продаваемых на набережных наших приморских городов. Наконец, мы покинули спальню и по полутемному коридору, направились к лестнице. Стук каблуков по мраморным ступенькам гулко разносился по замку. Мне показалось, что даже хозяйка замка с укором посмотрела на меня с портрета. Ее сверлящий взгляд на своей шее я чувствовала в течение всего спуска по большой лестнице. Сначала я подумала, что это ощущаю только я, но, увидев, как съежились мои подруги, поняла, им тоже не очень уютно. В холле было веселей. Из гостиной сюда доносились звуки рояля и смех. Девчонки заметно прибавили шаг, я тоже не отставала.

Мы широко распахнули двери и ослепли от обилия свечей. Именно они создавали необыкновенную атмосферу. В центре гостиной в медленном танце кружили две пары: Степан и Дарья /между собой мы с девочками опускали их отчества/, которую мы едва узнали, поскольку собранные кверху волосы, декольтированное атласное черное платье

чуть ниже колен и черные замшевые босоножки делали ее более утонченной и загадочной, а также Марат и... Беата. Этим вечером она была женщиной-вамп. Ее очаровательную головку с коротким черным волосом, безусловно, парик, обхватывал серебристый обруч с розовым пером. Прямое, до колен, платье стального цвета в стиле тридцатых, украшенное сверху донизу оборками из переливающихся струящихся нитей черного цвета, можно сказать, «дышало» от малейшего движения его хозяйки. На ногах у Беаты были изящные черные лодочки на небольшом каблучке. Нынешняя хозяйка замка не смогла скрыть удовольствия от произведенного на нас впечатления и самодовольно улыбнулась краем губ. Марат был, как тогда, возле школы, в белом костюме, высокий, элегантный и красивый. У меня в горле будто застрял ком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.